

Чем старше возрастом Великая Победа, тем меньше остается на белом свете ее творцов — фронтовиков и героев тыла, очевидцев тех далеких событий.

Уходят люди... Все меньше тех, кто расскажет внукам и правнукам о войне так просто и доходчиво, как может сделать это только участник событий. Цифры и факты учебников, книги и фильмы, безусловно, важны. А все же живая речь родного человека, ходившего в атаку, смотревшего глаза в глаза своему смертельному врагу в рукопашной схватке, проливавшего свою кровь на полях сражений и победившего, гораздо убедительней. Вот они, так любящие тебя твой дедуля, твоя бабуля. И что там разные враки в газетах и по «телеку»... Эти — свои, они не соврут. Ибо любят тебя больше, чем себя, и желают тебе только добра и счастья.

Я хочу рассказать о замечательной женщине, Посысоевой Юлии Иосифовне, которая работала секретарём в нашей школе. Она знает о Ленинградской блокаде не из разного рода литературы и кинофильмов (как и все), а на основе своих собственных эмоций и чувств от всего виденного и пережитого в те далекие детские годы, а также услышанного из уст ее мамы — Лихолет Ольги Ивановны.

Блокада Ленинграда и то, как вели себя люди в ее нечеловеческих условиях, — это невиданный в истории человечества образец трагедии и триумфа, высочайшего героизма и силы духа, воли к жизни и способности находить способы и силы для выживания там, где их, казалось бы, и быть не может. Это главное в повествовании моей героини — Юлии Иосифовны.

Что может помнить ребенок в возрасте от трех до шести лет? И может ли он, став взрослым, помнить происшедшее с ним десятки лет назад? Помнить образы, звуки, цвета, запахи, вкус?

-Да,- тихо отвечает моя героиня. - В эти мгновения память высвечивает лицо моего отца — Лихолет Иосифа Дмитриевича капитана первого ранга. Отец все годы блокады защищал знаменитую «Дорогу жизни», проходящую по Ладожскому озеру. Вспоминаю мою маму — Лихолет Ольгу Ивановну, которая в те тяжелые годы находилась вместе со мной и своей сестрой Антониной Ивановной в блокадном Ленинграде. На всю свою жизнь я запомнила невероятно громкий, отвратительный по звуковой гамме вой сирены — знак начала очередного налета немецких бомбардировщиков и несущийся из черного репродуктора громовой мужской голос, от которого и сейчас, если закрою глаза и «включу» свою дальнюю память и воображение, становится жутко: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!». Сирена воеет, голос гроыхает, люди сломя голову несутся в бомбоубежище, дети плачут. Бомбоубежище тесное, плотно набито человеческими телами. Душно. Пахнет сырым бетоном и мочой. Много детей и стариков. Полутемно. Потом все затихает — слушают, что происходит там, наверху. Томительное ожидание... Наконец тот же мужской голос, уже другим, не страшным

тоном, извещает: «Отбой воздушной тревоги! Отбой воздушной тревоги!...». Люди с облегчением от страха пережитого расходятся по квартирам. Мама рассказывала, что потом, привыкнув, многие уже не прятались в бомбоубежищах. Наша семья также не была исключением. Однажды это нам даже спасло жизнь. В то время, как все после объявления тревоги спрятались в бомбоубежище, мы остались дома и сдались на волю случая. Чтобы заглушить вой падающих бомб, тетя включила патефон, а сами мы попрятались под кроватями. Позже мы узнали, что бомба попала в бомбоубежище, в котором мы чаще всего скрывались, и там погибли почти все, в том числе и наши соседи.

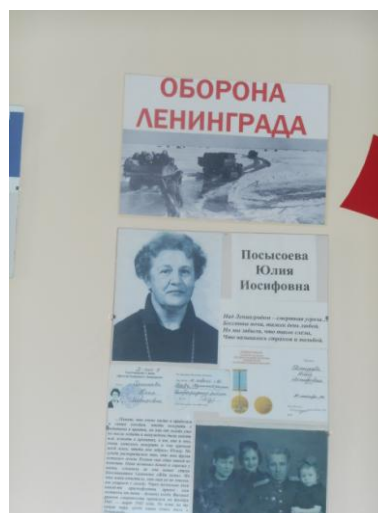
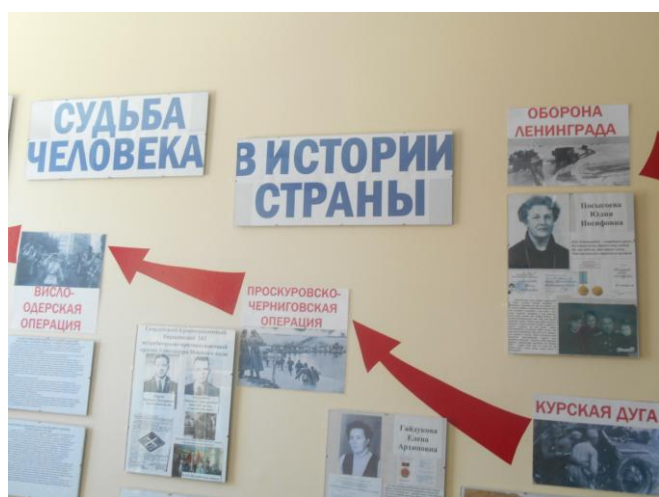
Голод делал свое дело: люди таяли на глазах, их просто с каждым днем становилось все меньше и меньше. В нашей семье все самое лучшее отдавали мне, т.к. я была самая маленькая. Моя мама и тетя получали хлебные карточки, которые нужно было отovarить, отстояв огромную очередь. Помню, как на фоне голода мама заболела дизентерией, как пришел врач и сказал, что она не выживет, т.к. в доме не было лекарств. Тогда тетя во время работ по строительству оборонительных сооружений собрала грибы и сделала отвар, которым поила маму. Я не знаю, с помощью этого ли отвара или нет, но с каждым днем к маме стали возвращаться силы. Также помню, что очень часто я прибегала к своим соседям, чтобы поиграть с ребятами в прятки, но они от голода уже не могли ходить и вынуждены были сидеть или лежать в кроватях, а им, как и мне, очень хотелось поиграть и они кричали моей маме, чтобы она забрала Юльку. Но судьба распорядилась так, что мои друзья остались живы. Помню еще один эпизод из детства. Папа позвонил домой и спросил у мамы, слышала ли она новые стихи Константина Симонова «Жди меня». На что мама ответила, что нам не до стихов, мы умираем с голоду. Через несколько дней какой-то краснофлотец принес нам гостинец от папы – буханку хлеба. Высший уровень смертности пришелся на декабрь 1941 — март 1942 года. То есть на ту самую пору, когда наша семья была в Ленинграде. Но мы выжили,- с гордостью констатировала Юлия Иосифовна.

Мы всегда с радостью и волнением ждём встречи с этой прекрасной женщиной. Юлия Иосифовна частый и желанный гость в нашей школе. Недавно, мы решили оформить стенд в школьном музее, посвященный её судьбе. Юлия Иосифовна поделилась с нами не только воспоминаниями о своём тяжёлом детстве, но и фотографиями из семейного альбома. Мы помогли ей систематизировать свои материалы и теперь история этой семьи не канет в лето, а останется заархивированным документальным источником того страшного времени. Являясь членом нашего музейного сообщества, я всегда с трепетом рассказываю посетителям музея историю Посысоевой Юлии Иосифовны и горжусь тем, что лично знакома с этим прекрасным человеком.

Фотоальбом.

Моя семья – мое богатство.

Папа, мама, я и моя сестра.

Музей ГБОУ СОШ № 1631 г.Москвы